

Станислав

— J E M

Станислав

ЛЕМ

Так говорил...

Лем

Беседы и интервью 1981–2004 гг.

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44
Л44

Серия «Лем — собрание сочинений (Neo)»

Stanislaw Lem
TAKO RZECZE... LEM

Перевод с польского *В. Борисова, В. Язневича*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения наследников Станислава Лема
и Агентства Andrew Nurnberg Associates International Ltd.

Лем, Станислав.

Л44 Так говорил... Лем : [сборник] / Станислав Лем ; [перевод с польского В. Борисова, В. Язневича]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 736 с. — (Лем — собрание сочинений (Neo)).

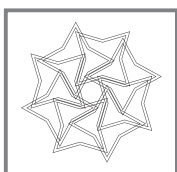
ISBN 978-5-17-186940-3

В сборник вошли интервью и беседы со Станиславом Лемом, состоявшиеся в 1981-2004 гг.

В доверительных разговорах с классиком мировой фантастики затрагивались самые разные темы, обсуждались современные тенденции в науке и культуре, проблемы и опасности цивилизации, космос, достижения человека и ограничения его как мыслящего существа.

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

© Stanislaw Lem, 1970
© Перевод. В. Борисов, В. Язневич, 2026
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Часть 1
ТАК ГОВОРИЛ...
ЛЕМ

© Rozmowy. Lem Stanisław, Beres Stanisław, 1981–2002.
© Rozmowy. Lem Stanisław, Maciejewski Łukasz, 2000–2004.
© Перевод. Борисов В.И. и Язневич В.И., 2005.

О старых и новых беседах со Станиславом Лемом

Первые беседы со Станиславом Лемом я вел с ноября 1981 года по август 1982 года, в атмосфере напряженного ожидания неминуемой в то время — по мнению писателя — политической катастрофы страны и в первые месяцы военного положения*, которое для обоих собеседников было исключительно болезненным периодом. Беседы записывались на магнитофон, происходило это в доме писателя в Кракове, и внутренним контекстом бесед было жестокое усмирение свободолюбивых устремлений общества. Быть может, как это ни парадоксально, первое издание бесед могло возникнуть именно в то, а не в иное время, поскольку Лем — глубоко взволнованный происходящими событиями и выбитый из нормального ритма работы — именно в этих разговорах находил спасение и возможность дистанцироваться от агрессивной действительности.

Вскоре после этого, не в силах вынести ситуацию в Польше, Станислав Лем выехал за границу на несколько долгих лет, чтобы вернуться лишь после падения коммунизма. «Беседы» вышли в 1987 году в издательстве Wydawnictwo literackie, но этому изданию годом раньше предшествовало немецкое — *Lem über Lem: Gespräche*, опубликованное в Insel-Suhrkamp Verlag. В результате цензурного вмешательства из польского издания была ис-

O starych i nowych rozmowach ze Stanisławem Lemem

Введено в Польше 13.12.1981 года, отменено в июле 1983 года. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчиков.*

ключена глава «Черная безвыходность ситуации», а текст был изувечен серией мелких сокращений в тех фрагментах, которые касались тогдашних событий в стране.

В настоящем издании книге возвращена ее цельная форма, и в то же время она является принципиально новой, поскольку содержит около 180 страниц текста, до того нигде не публиковавшегося. Размышляя над формой переиздания, мы вместе со Станиславом Лемом пришли к выводу, что время, разделяющее два издания, требует многое актуализировать — с учетом совершенно иной политической ситуации в стране и в мире, динамичного прогресса в области науки и глубоких цивилизационных изменений, которые всегда составляли главный предмет интересов писателя. Дополнительные беседы, записанные в сентябре и декабре 2001 года, позволили добавить к ранним «Беседам со Станиславом Лемом» три новые главы («Милые времена», «Осмотр на месте», «Summa, или *Panta rhei*»). Глава «Неутраченное время» была дополнена фрагментами, посвященными львовским воспоминаниям «советского» периода, которые в свое время были удалены по требованию цензуры, возвращена также уже упоминавшаяся выше глава с размышлениями писателя о ситуации в Польше периода военного положения.

Таким образом, нынешнее издание «Бесед» занимает особое положение, поскольку их «исторические» фрагменты, которые во многом сохраняют удивительную актуальность, получают дополнения и комментарии в новых фрагментах текста, отражающих взгляды Лема на явления конца XX и начала XXI века. Писатель по-новому проводит «осмотр на месте» своего времени, анализируя важнейшие цивилизационные, научные, политические, культурные и общественные вопросы. С тем же интеллектуальным задором, что и во времена военного положения, он проверяет истинность собственных суждений двадцатилетней давности, формулирует новые концепции и гипотезы, при этом по-новому — хотя и не менее строго, чем раньше — «судит по справедливости наблюдаемый мир».

Первое издание наших бесед должно было называться «Так говорит... Лем», однако по неизвестным нам и теперь уже наверняка непонятным причинам вышло под названием «Беседы со

Станиславом Лемом». В настоящем издании, стремясь к возвращению книге ее первоначальной формы, мы восстановили название, которое тогда — в эпоху великого перелома — казалось нам более занимательным, более значительным и адекватным содержанию книги.

Вопреки видимости, композиция книги не соответствует действительному ходу разговоров, а соответствует скорее звуковой медитации этого рафинированного интеллектуала, знаменитого писателя, автора многих памятных книг, которые стали букварем нескольких поколений поляков. Материал, собранный в этом издании, составляет лишь две трети текста, полученного при перенесении бесед на бумагу. Одну главу, более легкую в качественном отношении и не укладывающуюся в композицию книги, а также многие фрагменты, содержащие повторения, приложения, многочисленные отступления и случайные мотивы, пришлось оставить. Даже в настоящем, значительно расширенном, издании для них не нашлось места.

Станислав Лем настолько же благодарный, сколь и сложный собеседник. Его необузданный темперамент рассказчика и полемиста, а прежде всего невероятно обширный горизонт знания, проникающего в наиболее продвинутые плацдармы современной науки, часто даже уходящего за ее нынешние пределы, не позволили навязать ему в меру цельную и упорядоченную мысленную линию и удержать его в рамках традиционного разговора. Автор «Суммы технологии» неустанно ломал все согласованные *априори* тематические и проблемные оси, часто проводя — параллельно течению разговора, определяемого очередным вопросом — как бы диалог с самим собой, а одновременно с наиновейшими теориями и концепциями, рожденными естественно-научными и антропологическими рассуждениями нашей эпохи. Чтобы поддерживать по-настоящему партнерскую и компетентную научную дискуссию с Лемом, необходим уровень знаний, которым располагают лишь целые коллективы экспертов по нескольким научным дисциплинам. А такими знаниями обладает лишь один человек в стране — сам герой этой книги. Наверняка поэтому он так часто ставил сам себе — как бы над моей головой — вопросы, множил сомнения и искал удовлетворяющие его решения.

Состав этой книги — это результат перекомпоновки и упорядочивания магматической материи наших разговоров — полных отступлений, ассоциаций и свободных отклонений. Но никакое упорядочивание не сотрет специфики эффектного и живого стиля лемовского рассказа — хлещущего фейерверками анекдотов, шуток и парадоксов и в то же время затрагивающего самые трудные вопросы наших времен; полного красноречия, удали и мысленных скачков, но всегда остающегося в пределах научного мышления о мире.

«Так говорит... Лем» — это увлекательный и яркий рассказ о жизненной судьбе и художественном пути Станислава Лема, о его месте в польской и мировой литературе; он несет размышления о современной ситуации в науке и культуре, а также о месте человека в создаваемой им цивилизации; рассматривает основные политические и общественные вопросы, которые ставит перед нами современный — кипящий как лава — мир; стремится проникнуть в тайны космоса и законов, которые им управляют; рассуждает о познавательных возможностях и об ограничениях человеческого существа; формулирует философский диагноз актуальным умственным и культурным достижениям человечества.

В какой степени проблемы, поставленные на этих страницах по-прежнему удивляющим нас обширностью своей эрудиции и интеллектуальной жизнеспособностью писателем-философом, позволяют нам добраться до сути знания о космосе, человеческой цивилизации или о душе жителя земной планеты в начале новой эры, судить самому читателю. Однако, читая эту книгу, следует помнить, что она является не только попыткой подвести итоги мыслительного пути писателя, но также дополнением и автокомментарием к его размышлениям, которые он уже почти полвека — попеременно в гротескной, реалистической, фантастической, эссеистической и философско-теоретической тональности — реализует в своих очередных произведениях. Книга «Так говорит... Лем», которую мы отдаем в ваши руки, является только тем, чем она может быть, — записью разговоров, проводившихся в надежде, что они помогут нам понять смысл того необычного приключения, каковым является существование каждого из нас, людей, и иных жителей земной планеты, а также историей всей

Вселенной, вынырнувшей из ничего. Станислав Лем отвечает здесь только на те вопросы, на которые ответить мог, хотел и успел, так как иначе — как он отрешенно сказал во время одной из встреч, погруженный в полумрак и облака табачного дыма, между включенным магнитофоном, заполненными книгами полками и измученным собеседником — «мы могли бы так беседовать до конца света». Много еще существует вопросов и ответов, с которыми он в состоянии и хотел бы помериться силами, но время Мудреца — в отличие от времени Вселенной — не бесконечно.

*Станислав Бересь,
Краков, 9 апреля 2002 года*

Неутраченное время

Станислав Бересь. *Давайте сначала поговорим о вашей жизни, ранние эпизоды которой отражены в «Высоком замке». Более поздние эпизоды кроются, может быть, в судьбах Кароля Вилька из «Неутраченного времени» или Стефана Тиинецкого из «Больницы преобразования». Возможно также, какие-то особенности вашего темперамента передались пилоту Пирксу или Трурлю. Однако никто, кроме вас, не в состоянии сложить все это в единое целое. Вы не против шагнуть вместе со мной в прошлое?*

Станислав Лем. Хорошо, попробуем, только должен признаться, что период, когда я писал «Высокий замок», наиболее подходил для этого, потому что сейчас многие подробности я уже не смогу воссоздать и извлечь из памяти. Однако прежде всего я должен заявить здесь, что это никакой не роман, как об этом не один раз твердила критика. Там нет ни одного вымышленного элемента, и если можно говорить о каком-то обмане, то разве лишь в том смысле, в каком искусство можно понимать как «прекрасный обман». Например, вся эта история с «государством удостоверений», которая казалась критикам вымыслом, истинна от начала до конца, с той единственной, может быть, оговоркой, что ее метафизические кулисы были достроены уже зрелым Лемом.

— Признаюсь, что, кроме эпизода с «удостоверениями», в значительной мере придуманным мне казался этот образ одинокого и сторонящегося мира ребенка.

— Вне всякого сомнения, я описал в той книжке все по возможности правдиво, тем более что тогда еще не осознавал сущности своего одиночества, наоборот, мне нравилось быть одному, я вовсе не нуждался в товарищах и предпочитал свои тогдашние странные размышления любому обществу. Видимо, я с самого начала был нелюдиминой натурой. Поскольку ребенок не может провести такую самооценку, я лишь теперь вижу, что мое детство не было обычным.

— *Отсутствие детской и юношеской дружбы обычно компенсируется сильной привязанностью к отцу или матери.*

— Если речь идет о моих отношениях с отцом и матерью, я хотел бы ограничиться тем, что написал в «Высоком замке».

— *Как хотите, хотя признаюсь, что меня интригует ваша мать. Роль отца в формировании вашей личности можно легко воссоздать из этой книги, а о матери мы не знаем почти ничего. Тут как бы кроется стереотип: отец — интеллектуальный элемент, а мать — моральный...*

— Понимаю, но здесь вы не докопаетесь ни до каких архетипов. Мать была родом из очень бедной семьи из Пшемысля, поэтому брак моего отца его родственники оценивали как морганатический. Семья отца не раз давала моей матери понять, что в нем есть что-то неправильное.

Да, у матери не было никакой специальности, она была просто домохозяйкой. У нас были нормальные отношения, тем не менее я всегда больше льнул к отцу, именно поэтому, видимо, он оказал сильное влияние на мою личность, что видно хотя бы по моим интересам. Мать, конечно, всегда была дома, штопала мои носки, занималась мной, но никогда не была моим поверенным. Эту роль исполнял отец. И хотя он был очень занят, я высоко ценил те малые отрезки времени, которые он отрывал для меня от своей работы.

— *В «Высоком замке» говорится еще о дяде. У вас с ним были довольно близкие отношения.*

— Это был брат матери, который так же, как и мой отец, был врачом-ларингологом. Отец познакомился с ним, когда учился,

и наши отношения были приятельскими. Сейчас часто случается, что дядю зовут по имени, но тогда обычаи были решительно другими. Обращение к дяде *per* Генек казалось чем-то необычным. Он любил широкие жесты, и в то время, когда моя мать считала, что пятьдесят грошей в неделю — это слишком большая сумма для гимназиста, он считал иначе и не раз выдавал мне пять злотых с Пилсудским, что я воспринимал как золотой дождь на голову.

— *Который вы немедленно меняли на халву?*

— Конечно, но еще покупал проволочки для экспериментов, какие-то моторы, машины Уимсхерста, электростатические устройства, индукторы, вакуумные трубки и т. п. Все это в «Высоком замке» не преувеличено ни на йоту. Когда у нас с женой появился ребенок, я пробовал спустя некоторое время — неосознанно, впрочем — копировать самого себя, покупая своему сыночку многочисленные металлические и электротехнические диковинки, и не мог понять, почему он интересуется этим значительно меньше, чем я в свое время. Что ж, это известное явление: когда хочешь угостить кого-то особенно дорогого, покупаешь ему прежде всего то, что любишь сам.

— *Итак, отец, дядя, электрические машинки и удостоверения — это все товарищи вашего детства?*

— Конечно, это факт — который теперь я констатирую с сожалением, — что я был одинокой натурой и у меня не было ни очень близких, ни просто близких друзей. Я пытался их завести, но даже в юношеские годы, когда это делается легко, никакой дружбы у меня не было. А перед войной — об этом я, кажется, не вспоминал в «Высоком замке», — когда мне было лет семнадцать, я начал писать стихи. Они были очень плохие, но мне очень нравились, и когда во время оккупации я оставил их в «спальной» квартире, был глубоко уверен, что национальная культура понесла великую утрату. Если бы гестаповцы знали польский язык и прочитали эти черновики с патриотическими опусами, они были бы поражены! Общий вывод из всего этого таков, что я созрел очень медленно и поумнел довольно поздно.

— *Гимназические годы в «Высоком замке» описаны довольно подробно, но на 1939 году рассказ обрывается, так как началась война, во Львов вошли русские. Конечно, вы не могли это описывать во времена ПНР.*

— Так случилось, что экзамены я сдал в начале лета, а в конце его началась война, и очень скоро Польша пала. Для меня это был страшный момент, я постоянно в мыслях к нему возвращаюсь. Сверху, по Сикстуской улице из Цитадели, двигалась польская легкая конная артиллерия, а из боковых улиц вдруг на лошадях выехали советские (не знаю почему, но все с монгольскими лицами). У каждого из них в одной руке был наган, а в другой — граната. Они приказали нашим солдатам снять португези, все оружие бросить на землю, орудия с лошадьми оставить и уходить. Мы стояли пораженные и плакали. Мы видели, как пала Польша! Дворник, который был свидетелем Иеговы, покрывал покинутых лошадей попонами. Что было потом, я уже не помню.

— *Каково было соотношение сил?*

— Это был целый польский полк, развернутый в Цитадели.

— *Но из ваших слов следует, что советских было всего несколько человек.*

— Потому что я видел столько. Но во всем городе их было очень много, так что весь Львов был ими занят.

В этой сцене действительно было что-то необычное, но я не могу понять, что именно? То, что все произошло без единого выстрела, в молчании, как бы во сне?..

Да, именно так и было. Может, эти монгольские морды что-нибудь кричали (наверняка так), но я не помню. Особое впечатление на меня произвело то, что советские даже не взяли наших солдат в плен, ничего им не сделали, только приказали уходить (*paszół won*¹). Так кончилась для меня Польша. Эта картина, которую я наблюдал из ворот дома, осталась у меня в памяти на всю жизнь.

¹ Станислав Лем при разговоре иногда использовал и русские слова. В таких случаях здесь и далее они написаны либо с использованием букв польского алфавита (как в оригинале), либо выделены курсивом (например, следующее по тексту слово — *беженцы*).